

имперская власть на протяжении конца IV-V вв. мало заботилась об обороне городов и крепостей в провинциях.

В IV-V вв. осадное дело Византии находилось в состоянии стагнации. Византийская армия заимствовала греко-римскую полиоркеттику поздней Римской империи, но новых осадных машин, осадных приемов еще не создала¹. В них и не было необходимости, так как Византия не вела завоевательных войн, а ее враги не владели искусством осады городов и крепостей. Вскоре ситуация изменится. С императором Юстинианом изменяется внешнеполитическая доктрина государства. От оборонительных войн империя переходит к завоеваниям, и осадное дело Византии продолжило развитие, однако внедрения кардинально новых машин и механизмов не последовало. Государство было занято насущными военными заботами и, прежде всего, содержало и вооружало имеющиеся войска по сложившимся, на тот, момент принципам. Старые стратегические приемы и способы ведения войны с помощью механизмов показывали свою эффективность, и новых практически не требовалось. Противники империи на Западе продолжали уступать Византии в тактическом плане, в том числе и в осадной технике.

ENGINEERING OF THE BYZANTINE EMPIRE 5 - EARLY 6 CENT.

E.V. Goushchin

The evolution of Byzantine siege of the case. There is number of artillery in the army. Attention is given to the use of the tactics of siege weapons. The conclusion about the evolution of martial affairs.

МОНАШЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ВЛАСТИ ПАТРИАРХА В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

М.А. Руднева

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений епископов и патриархов Александрийских и монашества в период Поздней античности. Отмечены изменения в динамике взаимоотношений и факторы, влияющие на данный процесс.

Ключевые слова: Александрия, епископ Александрийский, патриарх, монашество.

В конце IV - начале V вв. патриарху все более приходилось бороться с новым очагом духовной власти, который вырос на окраине города. Монашество соединило в себе черты христианского аскетизма и влияния, получая достаточно привлекательный образ. Город и внутренние районы Египта взаимодействовали особым образом, не характерным для других провинций империи². Взаимосвязь между патриархом и подвижниками из окружающей сельской местности, часто вторгавшимися в жизнь города, была достаточно сильной, чтобы повлиять на внутреннюю жизнь александрийской христианской общины. Эти отношения характеризуются набором ожиданий, обязательств, и сопоставимы с не менее сложными и напряжёнными отношениями между властью префекта и крестьян

¹ Александрович С.С. Осадное искусство Византии (IV-V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 220.

² Bagnall R. Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993. P. 148-180.

из сельской местности. На самом деле, легко можно утверждать, что патриарх унаследовал многое из образа префекта в хоре, и после христианизации, постепенно он во многом затмил авторитет префекта.

Успех патриарха среди пустынных подвижников был основан на нескольких факторах, которые остались неизменными в течение поздней античности. Александрийская патриарх, как лидер всей христианской общины Египта, стоял как бы на месте Христа. Этим обуславливаются пышность церемонии епископского шествия по египетской сельской местности. Так Пахомий, сообщая о шествии Афанасия Великого (ок. 328-373 гг.), описывает большую торжественность, с которой она проходила (*S. Pachomii vita, bohairice scripta* 201).

Этот фактор сам по себе не мог обеспечить успех епископа среди монахов. Важен фактор непосредственной связи патриарха с монашескими общинами. Хорошо известно активное взаимодействие между Афанасием Великим и св. Антонием в борьбе с арианством. В свою очередь, патриарх Кирилл в поиске поддержки у монашества, несомненно, пользовался опытом пятилетнего пребывания в Нитрии и Ските, полученным им в молодости. Учитывая особенности монашеской жизни, её отстранённость от мира, епископ должен был первым пойти на сближение, что зачастую было достаточно сложно в исполнении. Известно, что во время попытки Афанасия Великого установить контакт с монахами в 329/30 гг., Пахомий скрылся, чтобы его не видеть (*Pachomii vita, bohairice scripta* 28), и его примеру последовали многие отшельники (*Apoph. Patr. Moses* 8, *Arsenius* 31; *Palladius Hist. Laus.* 34.2-4). Этот вынужденный побег также приобретал большую актуальность, в случае розыска отшельника для рукоположения (*Palladius Hist. Laus.* 11.1-2). Естественно, что сблизиться с монашеством, пребывая всё время в городе, было практически невозможно. Этим фактором объясняется провал в этом направлении имперских назначенцев до Никейского собора, вследствие Халкидонского собора, которые предпочитали оставаться под защитой городского гарнизона. Это отсутствие связи с монашеской жизнью помогает объяснить и напряженные отношения между аскетами и епископом Феофилом (384 - 15 октября 412 гг.), а также патриархом Петром III Монгом (477-490 гг.).

Важным фактором, определяющим характер патриархо-монашеских отношений, была относительная сила каждой из двух сторон.

Во время епископата Афанасия Великого (ок. 328-373 гг.) монашеское движение было в состоянии младенчества. Пока новизна аскетического идеала набирала большую часть своей ранней популярности, количество египетских подвижников было еще сравнительно небольшим. К концу века число монахов значительно выросло и стало мощной силой, с которой вынуждены были считаться. Это увеличение мощности и влияния привело к повышению значимости патриархо-монашеских отношений.

Заметное охлаждение отношений наступает в правление Феофила (385-412 гг.), когда достаточно прямолинейная политика епископа ожесточила пустынников. Патриарху Кириллу (17 октября 412 - 27 июня 444 гг.) удалось вновь наладить отношения, соизмеримые уровню правления Афанасия.

И все же вопрос о епископской власти в сельской местности стал спорным

на поздних стадиях византийского периода Александрии, когда высочайше назначенный патриарх проживал в городе, а монофизитский патриарх прежде обитал в пригородном монастыре Enaton, а в конце VI века - в пустыне в монастыре св. Макария.

Хотя различные черты христианского аскетизма можно найти в Александрии, большинство из подвижников Александрии не останавливались в самом городе, а чаще в ближайших кельях пригорода. Хотя отшельники не были неизвестными в пригороде непосредственно к востоку от города, значительная концентрация монахов находилась в 20 км, недалеко от роскошных пригородов Сапорус. В Сапорус Феофил переселил монахов из Иерусалима, а позднее пригласил и монахов из обители Пахомия. Новый монастырь назывался Μεταποία («покаяние»), и в него были перенесены мощи мучеников Кира и Иоанна (Aroph. Patr. Systematic Coil. 237).

К западу от Александрии, вдоль узкой полосы известняка, отделяющей Средиземное море от Маретидского озера, в конце IV - начале V вв. возникало большое количество монастырей. Эти монастыри, процветавшие до арабского завоевания, получили свое название по расстоянию, занимаемому относительно города, таким образом, Pempton (пятый), Enaton (девятый), и Oktokaidekaton (восемнадцатый). Самым влиятельным был Enaton, который славился несколькими известными игуменами в течение IV-V вв. Enaton стал настолько большим, что в конечном итоге, объединил под своей властью и несколько церквей, также продолжительное время он являлся центром монофизитской оппозиции и на некоторое время местом пребывания коптского патриарха.

Хотя Афанасий часто изображается как друг и покровитель аскетов, он делал однозначное различие между (в его понимании) православными и еретическими монахами. О благожелательном отношении Афанасия к монахам ярко свидетельствует знаменитый визит св. Антония 338 г. в Александрию, организованный Афанасием для поддержки движения против арианства. В то же время, епископ осознавал потенциальные опасности неограниченного доступа монахов в город. В связи с этим, монахам и монахиням были запрещены частые посещения Александрии, особенно мест развлечений и отдыха. Кроме того, представители духовенства, посещавшие Александрию, должны были посещать церковь каждый день (Athan. v. Ant. 69-71), несомненно, с целью мониторинга их деятельности.

Этот вопрос стал еще острее к концу IV в. Число монахов значительно выросло, и они выражали большую склонность приходить в массовом порядке в Александрию и озвучивать свои требования.

Феофил (385-412 гг.) был достаточно благосклонным к аскетам в начале своего епископского правления. Он не только искал поддержки известных подвижников, но даже пытался использовать группы сельских монахов в своих целях. К концу десятилетия, однако, Феофил обратился против некоторых из своих аскетических соратников, в том числе, так называемых Длинных братьев и Исидора из Нитрии. Ранее он ставил Исидора на такое высокое место, что доверял ему важные дипломатические миссии за рубежом и даже настаивал на его кандидатуре на престол в Константинополе. Причины конфликта некоторые ис-

следователи видели не столько в спорах, связанных с оригенизмом, но скорее в конфликте между эллинизированной сложностью Александрии и простотой благочестия коптской сельской местности.

В конце 398 или начале 399 г. произошёл конфликт между епископом и монахами, в основе которого стоял вопрос антропоморфности Бога. Конфликт вылился в открытое столкновение, и даже создал наиболее опасную ситуацию за всё правление Феофила (Soc. HE VI,7). Последующий этап ссоры, как правило, умалчивается, поскольку осужденные монахи искали защиты от епископа Константинополя - Иоанна Златоуста, тем самым, открывая совершенно новый этап в споре.

Локально Феофил добился своей цели, разделив и ослабив пустынных монахов, которые больше не представляли серьезной угрозы для его епископской власти. Несмотря на то, что, Иоанн Златоуст был противником Феофила, он также осознавал опасность открытого появления монахов в городе, чем навлек на себя гнев последних. Кажется ясным, что организованные группы сельских подвижников были проблемой во многих городах конца империи, что повлекло за собой ряд имперских актов, нацеленных на ограничение подвижности монахов и монахинь. Эти законы варьировались от короткого указа Феодосия 390 г. до пространного рескрипта Юстиниана 519 г., которым он стремился изгнать монахов из сельских областей империи. Типичным из этих выражений имперской недовольства является указ Маркиана (396–457 г.), который постановил, что монахи каждого города и района должны быть подчинены епископу, вести тихую жизнь, наполненную постом и молитвами, монахи не должны касаться церковных и государственных дел (Soz. HE VIII,9). Нет сомнений, каких монахов имел в виду Маркиан, когда пытался пресечь монашеские беззакония. Несмотря на то, что нет никаких существенных доказательств, чтобы подтвердить часто повторяющееся утверждение, что буйные монахи были ответственны за уничтожение Александрийского Серапеума в 391 г. или за жестокое убийство философа Гипатии в 415 г., у Маркиана были основания для порицания аскетов Египта. В 414/15 г., на улицах Александрии группа из пяти сотен монахов из Нитрии забросала камнями префекта Ореста, и он чуть не лишился жизни. В этом инциденте патриарх Кирилл, несмотря на тщательно отточенные навыки политического управления, плохо контролировал толпу аскетов. Поэтому неудивительно, что Маркиан в письме 452 г., адресованном монахам в Александрии, предупреждал их, что в дополнение к потере души они должны подвергнуться правовому наказанию (Soc. HE VI,14). Тщетность увещаний Маркиана проявилась, когда в течение трех лет, он послал другой рескрипт, с целью запретить еретические собрания в пригородных монастырях Александрии.

Можно сказать, что монастыри играли важную роль в церковной политике в период поздней античности, особенно в период между началом монофизитско-халкидонского спора и арабским завоеванием. На протяжении этого времени пригородные монастыри служили главным очагом сопротивления имперской религиозной политике.

Монахи Александрии обладали достаточно большой властью и влиянием, чтобы склонить чашу весов в конфликтах городской христианской общины, од-

нако, сами по себе, они редко были достаточно сильны, чтобы вести самостоятельную политику. Значительная роль монашества в религиозной политике Александрии приходилась лишь на периоды наиболее острых конфликтов, когда монашество объединялось с той или иной политической силой.

MONASTIC OPPOSITION TO THE AUTHORITIES PATRIARCH IN LATE ANTIQUE ALEXANDRIA, EGYPT

M.A. Rudneva

The peculiarities of the relationship of bishops and patriarchs of Alexandria and monasticism in the period of late antiquity. Marked changes in the dynamics of the relationship and the factors influencing this process.

Keywords: Alexander, Bishop of Alexandria, Patriarch, monk.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

С.В. Скачко

В статье рассматриваются особенности хозяйственной жизни внутренних областей Палестины. Получить информацию по данному вопросу можно у Иосифа Флавия, Страбона и Плиния Старшего. Источники, к сожалению, не позволяют до конца разграничить для Палестины рассматриваемого времени смешанную обработку земли и монокультурное сельское хозяйство, построенное по принципу «одно поле (один участок) - одна культура».

Ключевые слова: хозяйственная жизнь, Палестина, Иосиф Флавий, Страбон, Плиний Старший.

Об особенностях хозяйственной жизни Палестины как первых веков н.э., так и ранневизантийского времени, нужно говорить отдельно для каждого ее региона, так как условия для хозяйственной деятельности человека в приморской, центральной и полупустынной экономических зонах этой территории были весьма различными вследствие различий в климатических условиях и неравномерности распределения в них водных ресурсов. Исторические и археологические источники изобилуют подробностями касательно одних регионов и весьма скудны в отношении других.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, касающихся хозяйственной жизни внутренних областей Палестины, отметим, что по экономическим характеристикам на первом месте во все века и во всех отношениях были Галилея и Иудея. Именно здесь были сосредоточены основные водные источники Палестины, что обеспечивало почти идеальные условия для ведения сельского хозяйства. В Самарии, и особенно в Негеве, эти условия были значительно хуже¹. Также следует отметить, что в отличие от приморской зоны сведения о хозяйственной жизни центральных и засушливых районов Палестины весьма скудны. Центральная и аридная зона были своего рода большими «огородами» и «садами», обеспечивавшими внутреннее потребление и экспорт в другие области продуктов регионального сельского хозяйства.

¹ О реках Палестины см.: *Abel F.-M. Geographie de la Palestine. T. 1. P., 1938. P. 462-503.*